

ВАЛЕНТИНА КОРОСТЕЛОВА

НА ВЕТРАХ
РАЗБОЙНЫХ ЛЕТ

Повесть «На ветрах разбойных лет» — детектив, история о том, как пятеро друзей, бывших одноклассников, смогли остановить в небольшом подмосковном городе беспредел теневого хозяина, подмявшего под себя в большой степени и «власть имущих». Параллельно развиваются линии юношеских влюблённостей, драматические семейные перипетии главного героя — Олега Петровича. Кстати, все пятеро — Петровичи, что в своё время было замечено учительницей и косвенно послужило началу дружбы, протянувшейся через всю жизнь. Несмотря на криминальный фон, идея повести — главные человеческие ценности: дружба, любовь, преданность своей малой родине и людям, живущим на ней, — остаются во главе угла любой судьбы, любой достойной личности.

Валентина Коростелева

НА ВЕТРАХ РАЗБОЙНЫХ ЛЕТ

(детективная повесть)

«Не дай бог жить в эпоху перемен...»
(восточная мудрость)

«А мы проскочим, пролетим,
была бы вера...»

(из песни)

НЕСЧАСТНЫЙ СЛУЧАЙ — ИЛИ?...

— Красивая у меня дочь, чёрт возьми! А, внученька? — Олег Петрович с Леночкой — курносой, со светлыми кудряшками над тёмными карими глазами — склонился над шикарными цветными фотографиями, прилетевшими аж из самого Дрездена. — Я рад, что Рита там хорошо устроилась. Она любит свою работу.

— Тем более, когда на все четыре стороны — Европа! — Лена, десятиклассница стандартной подмосковной школы, мечтательно закрыла

глаза. — Европа!

— Не вздыхай, видишь, Рита пишет, что договаривается о продолжении твоей учёбы там. И в языке поднатореешь, и вообще...

— А чё сразу загрустил?...

— Так кому же хочется с внучкой расставаться? — Олег Петрович привлёк её к себе...

— Ну, это же ненадолго! И бабушка, как-никак, рядом. Да и вообще, ты вон ещё какой орёл у нас!

Худощавый, собранный, по-прежнему привлекательный Олег Петрович, — правда, уже без той горделивой осанки, что прежде, — сейчас, на пенсии, был счастлив уже тем, что имел замечательный тыл в лице Светланы Ивановны, жены своей, и самой большой радости — внучки. Слава Богу, у дочери складывалось всё нормально. Когда-то в турпоездке она познакомилась с немецкой девушкой Зигфридой, знакомство переросло в дружбу, и вот сегодня по контракту Галина работает там в турбюро. Судя по всему, жизнью довольна, вот и Лену к себе вытянуть хочет. Что ж, пришли свободные времена, и слава Богу. Может, наконец-то у дочери и личная жизнь устроится. Брак оказался случайным и недолгим.

Резкий звонок в квартиру нарушил семейную идиллию.

— Здесь живут Егоровы? — на пороге стоял милиционер. — Там, на улице, произошло несчастье... Светлана Ивановна — ваша жена?...

Олег Петрович хотел вскочить из-за стола, и не смог. Ноги будто приросли к полу. А Лена уже мчалась лестничными пролётами, забыв о лифте...

В какой-то сотне метров от дома стояла «скорая», тут же, как всегда, собралась толпа.

— Господи, как же это произошло? — спрашивали друг у друга прохожие.

— Говорят, попала под машину, что выскочила из-за угла. Машина-то грузовая!

— Вроде, не старая ещё... Видно, из порядочных... Такие аккуратно себя ведут...

— Толпа-то у этого перекрёстка вон какая всё время собирается! Может, кто-то и подтолкнул...

— Боже мой, да что же это творится! Озверели мы, что ли?

С трудом совладав с собой, вышел из дома Олег Петрович. Жену уже увезли в больницу, Лена умчалась вслед. Он стоял у киоска с мороженым — окаменевший, и только одно стучало в виске: «Вот и дождался, вот и дождался...» Он не сомневался — анонимные угрозы были не шуткой.

Врачи оказались бессильны, и вскоре на полупустом новом кладбище вырос ещё один холмик...

— За что — жену?! — Олег Петрович от

отчаяния и боли чуть не скрежетал зубами. — Почему — не меня? Возьми же ты, сволочь, что хочешь, и жизнь мою, если иначе не можешь, но оставь, оставь в покое моих близких! — он не заметил, как сорвался на крик.

В комнату вбежала Лена, испуганно уставилась на деда. Потом подошла, обняла за голову. — Кому это ты?

— Да так, никому. Отчаяние заговорило... А тебе надо собираться в Германию, сроки поджимают...

— Ты думаешь, что говоришь? Разве я оставлю тебя? У меня ведь нет контракта, я вольна в своих действиях. Но ты должен мне всё рассказать. Нельзя — так вот, в себе держать. Ладно, дед?

— Хорошо. Соберусь с силами — и расскажу.

— И хватит сидеть дома! А то и впрямь с ума сойдёшь. Пошёл бы вон, погромел по столу с доминошниками, и то — не один! А то, как сыч одинокий!.. Господи, прости, дед. Не могу я на тебя смотреть, совсем концы отдаёшь. Хоть бы товарищей каких завёл!

— Товарищей? — Олег Петрович словно опомнился, но снова сник. — Настоящие друзья — там, в юности, остались. Пятеро нас было — с улицы Светлой... Иван, Тимофей, Маша, Изольда... Я тебе рассказывал о них.

— Ну и что? Никаких адресов, телефонов?

— Увы. В молодости кажется — будут ещё и друзья не хуже, и встречи интересные. И не особенно ценишь то, что было, что судьба подарила. Так и растеряли друг друга...

— Ну, фотографии хотя бы есть?

— Так, кое-что...

— В общем, договорились. Во-первых, я никуда не еду. И здесь можно человеком стать. Окончу школу с медалью — и, авось, что-то путёвое найдётся. Сейчас этих колледжей и вузов — хоть пруд пруди. Во-вторых, ты находишь фотографии вашей пятерки великолепной — и мы начинаем поиск друзей. Да?... И в-третьих, ты рассказываешь мне всё, что ест тебя поедом до сих пор...

— Но Лена...

— Не сейчас, когда сможешь. Ладно?

— Господи, Ленка, что бы я без тебя делал?

— Ну, без меня — не знаю, а со мной — обедать пора. Не слышишь, какие запахи с кухни плывут?

— Мои любимые котлеты?

— А то как же! Чему-нибудь, кроме языка, и я научилась! А потом пойдём в парк проветриться. Погода-то вон какая! Да и воскресенье притом! Завтра уже не приглашу!

Олег Петрович смахнул непрошеные слезы,

внутри что-то отпустило — впервые за эти чёрные недели. И пошел на кухню.

НЕЖДАННАЯ ВСТРЕЧА

Прошёл почти год. Лена очень много занималась, сняла богатый урожай пятёрок и готовилась к экзаменам в институт.

Олег Петрович, чтобы не сидеть дома, стал помогать дипломникам в ближайшем техническом вузе. Да и лишний рубль нынче пенсионеру весьма кстати. Хоть Галина и присылала время от времени свои марки, но расходов с взрослеющей внучкой становилось всё больше, и стабильный «довесок» к пенсии прибавлял и стабильность самой жизни.

Друзей отыскать пока не получилось. Сам Олег Петрович находился всё ещё в заторможенном состоянии, а Лена, сделав пару неудачных попыток, положилась, как говорят, на волю Бога, к тому же и времени ни на что, кроме учёбы, не оставалось.

Но однажды, добрым октябрьским днём, произошло такое, о чём и мечтать Олег Петрович не смел...

В тесном коридоре, перед дверьми с табличкой «Совет ветеранов» скопилось порядочно народу. Коридор делился надвое, на левый и правый. Влево шла очередь на запись, вправо — на приём. В руках у людей были потрёпанные бумаги

— давние решения судов. Дело в том, что и в этом подмосковном городе нашлась своя «МММ», и так же успешно надула большинство жителей. Более-менее обеспеченные давно махнули на это рукой, приумножая денно и нощно свои богатства, а пожилые всё ещё надеялись, что справедливость возьмёт своё, и вернут им кровные денежки, а воры будут наказаны... О деньгах пока речи не было, но документы исправно принимали, вселяя хоть какую-то надежду в сердца ветеранов.

— Господи, собрала я то, что осталось от 92 года на книжках, и — ухнула последние денежки! — сокрушалась старушка.

— Зато Администрация города успела и на процентах поживиться, и все сполна получить! Видать, в связке работали...

— А чё удивляться! Рыба-то с головы гниёт!

— Вот стоим, мёрзнем в холодном коридоре, присесть негде, а тогда-то, помните, как нас принимали? — продолжила старушка.

— Как не помнить! Ну, просто как родных людей! И лица симпатичные, и кругом чистота и тепло, и речи ласковые... Ну, прямо благодетели, и только! — подхватил бойкий на язык, почти весёлый мужик с добродушной улыбкой. О таких говорят: свой в доску. Таких останавливают на улице и с ходу начинают просить совета, а то и помощи. Это и есть Тимофей, один из главных

героев нашей повести.

А в другой стороне коридора молча нёс свою «вахту» Олег Петрович.

— А вы... вы тоже здорово погорели? — обратилась к нему толстая, всё ещё молодящаяся особа, явно претендуя на внимание товарища по несчастью.

— Да, и я, дурак, не устоял. Не были мы готовы к такому тотальному обману, что поделаешь. Вот и учимся до сих пор...

— Ой, и не говорите! И ведь не знаешь, откуда очередная каверза выплывет! У меня сын только-только начал вставать на ноги, только-только с кредитом расплатился, как — бац! — и август 98-го. Сейчас опять на нуле.

— Тут уж само государство постаралось! — включился в дискуссию бомжоватый на вид тип. — Власти-то, небось, и соломку под себя постелить успели, а нашего брата — опять по башке!

— То-то и оно! Какая голова выдержит всё это! — подхватила толстая, искоса взглядывая на Олега Петровича. — Вот и пьют люди, и колются, и во все тяжкие пускаются!

— Ой, и вправду мало хорошего, — заключила старушка. — Жить-то как-то надо, вот и мыкаются люди, кто во что горазд.

Тут из дверей вывалились сразу трое, началась толкотня, очередь задвигалась, заново

занимая свои позиции. Разговор угас сам собой.

Через час и Олег Петрович, выйдя из кабинета и продравшись сквозь очередь, оказался, наконец, на улице. Прошёл несколько метров, присел на скамейку во дворе.

«Дожил, однако», — думал он про себя. Ему, занимавшему важные посты в обкоме, привыкшему к хорошему во всех смыслах обхождению, — даже в последние, смутные, годы не часто приходилось оказываться в таких толкучках, среди столь разных людей. И в то же время какой-то интерес ко всему этому не давал места обиде и злости. Он впервые был так близко с теми, кто имел право судить власти, в ком, несмотря на внешнюю убогость, чувствовались истинная сила и справедливость. И это грело.

— Боже мой, Олег Петрович?

Рядом стояла женщина, весьма приятная на вид. Одежда, ухоженное лицо, и главное — почти волоокие глаза, какие в таком возрасте бывают не часто.

— Изольда, неужели? И ты — оттуда?

— Куда деваться, — она погрустнела, но глаза не погасли. — А ты... ты где-то здесь живёшь?

— Да, неподалёку. Вот, вернулся в родные места.

— Ты ведь, кажется, на Урале работал?

— Да, почти. И немало. Пока...

— Что пока?...

— Пока не уволился из обкома и не переехал сюда с женой и дочкой. — Он помедлил, но, привыкший к точности во всём, добавил: — Жена погибла. Несчастный случай.

— Боже мой, Олег Петрович...

— Да, вот так... Но хватит об этом. Присаживайся. Как ты? Слышал не раз — и по радио, и вообще...

— Ой, Олег Петрович... — Изольда почти смутилась. — Много чего было. И замужество, правда, недолгое, и взлёты, и...

— Ну, ну, ты и сейчас, я смотрю, — просто молодец. И далеко живёшь?

— Да нет, во «фрегате» этом! — и она показала на длинный домище в 12 этажей.

— Неужели? И я — там! Нет, ты только подумай!..

— А чего удивляться? Город-то небольшой, считай, целый микрорайон уместился... в каютах этих! Помните, у поэта: «Куда ж нам плыть?...»

— Ну, хватит сидеть. А то замёрзнем. Встаём?

— Конечно!

Они пошли по скверу, уже почти голому. Вдруг к Олегу Петровичу подбежал мальчишка лет четырнадцати.

— Дядя, дай закурить, а? — и молящими глазами впился в лицо, будто в душу.

— Я вообще-то... — Олег Петрович почти виновато смотрел на мальчишку.

— Я тебе сейчас дам закурить! — откуда-то сбоку рванулся к ним полноватый мужчина с румянцем на щеках и взъерошенной головой. Он дёрнул мальчишку за руку, взглянул на Олега Петровича, чтобы извиниться, и... почти потерял дар речи.

— Как, это... вы?

— Тимофей! Вот это да! Изольда, сегодня что-то произошло с планетами!

— Тимошка! — и женщина, забыв о возрасте, как девчонка, повисла у него на шее.

Удивлённый до самых печёнок внук стоял в стороне...

ПЕТРОВИЧИ

— Вот это да!.. — Олег Петрович, искренне радуясь, долго жал руку Тимофею. — Это ж надо!.. Сколько лет!.. И ты — откуда? — и он кивнул в сторону ветеранской конторы.

— Откуда же ещё? Уж больно нас много, обманутых-то! — с непонятной для посторонних радостью громко причитал Тимофей.

— Да уж, считай, вся Россия! — посерьёзnel Олег Петрович.

— Нет, ребята, только не о политике! —

Изольда тянула уже обоих за руки. — Какая встреча!..

Внук Славка, уже пришедший в себя, подвинулся к взрослым, наострил уши.

— А ты, сорванец, марш домой, матери помогать надо, то есть, бабушке! Сегодня суббота, а у неё самый главный трудовой день!

— А сам-то, небось, не бежишь домой? — обиженно парировал Славка.

— Вот, посмотрите на него! Ужас какой-то! Разве мы отвечали так родителям?... Давай, давай! Я позднее приду. Встречи такие бывают раз в жизни, правда, ребята?

— Ты всё тот же, Тимоша, — улыбаясь и продолжая тянуть за руки друзей, заметила Изольда. Она покраснелась и явно похорошела. Славка не сводил с неё глаз. До сих пор таких знакомых у его деда не было. Но, что делать, надо топать домой...

Октябрьский ласковый день будто тоже радовался этой встрече. И хотя листья уже облетели, но чистое небо с добрым солнцем разливало окрест особую, осеннюю благодать.

— Изольда, а ты ничуть не изменилась! — забегая вперёд и глядя на школьную подругу, расточал комплименты Тимофей.

— Ты что, Тимоша, столько лет прошло!

— А я говорю — не изменилась! — настаивал

Тимофей, застёгивая куртку, облежавшую его широкую грудь и округлившийся живот.

— Так сколько у тебя детей, Тимофей? — Олег Петрович всё ещё был в непривычном для себя радостном возбуждении.

— А у тебя?

— У меня одна дочь.

— Эх, Олег Петрович! Оплошал ты в этом деле. А у меня — четверо! Да внуков пятеро!

— Боже мой, Тимоша! — Изольда так и ахнула. — Да как же ты с ними управляешься?

— Ты лучше спроси, как они со мной управляются! Все — хором — воспитывают меня!

— Это как же? — улыбнулся Олег Петрович.

— А так! Славка пытается из меня современного деда сделать. Ты думаешь, чё он к тебе подскочил? Я воюю, чтобы о куреве и не мечтал, а он говорит, что я отстал уже от жизни и первый встречный спокойно даст ему закурить!

— Да-а, куреве нынче и ещё куда-нибудь завести может, не говоря уж о водке.

— Кстати о водке. Неужели мы такую встречу — и не отметим?

Друзья рассмеялись.

— Да, Тимоша, трудный ты воспитуемый! — резюмировала Изольда. — Сочувствую твоим.

— Да ты что! Это ж я так... для форсу больше. А то бы давно выгнала меня Клавдия. Она

у меня — ох, строга!

— Будешь строгой, когда детей столько, да и внуков, — добавил Олег Петрович. — Но в целом-то жизнью доволен?

— А как же! У меня дома, что ни день, — спектакль, что ни вечер — представление. Не соскучишься! А спорим — так это больше для дела. Да и жизнь-то сегодня такая, что и ангелы с пути сбиваются...

— Да у тебя они прямо в дому живут, ангелы-то! Я — о внуках...

— Ой, не говорите! Потом со всеми познакомлю. А умные какие! И откуда чего берётся! И стихи читают, и сказки рассказывают, и рисуют, и подавай им игры необыкновенные: кубики уже не устраивают!

Друзья миновали сквер и вышли к своему «фрегату», который вобрал в себя население нескольких старых улиц, в том числе Светлую, где жили когда-то пятеро друзей. Остановились у любимого места доминошников, присели за массивный стол.

— Это ж надо! Жить в одном доме и не встречаться! — никак не мог успокоиться Тимофей.

— А что ты хочешь, когда в доме 12 подъездов! К тому же я, к примеру, здесь недавно живу, — рассуждал Олег Петрович.

— А я всё больше по гастролям летала...

— А помните, откуда есть-пошла наша дружба?

— Еще бы не помнить! Анна Ивановна стала рассказывать, что означают наши имена и отчества. И вдруг выяснилось, что в классе — три Петровича...

— И Петровна! — подхватил Тимофей. — Тогда, помните, Анна Ивановна засмеялась и сказала, что уже есть ячейка...

— И удивительно, вечером мы встретились на улице!

— Конечно, удивительно. Ведь не договаривались...

— А через день на редколлегии познакомились с ещё одной Петровной...

— Точно, со мной!.. Правда, я тогда на вас ещё снизу вверх смотрела, совсем малявка была...

— А впрочем, это судьба нас сводила, — поставил точку Олег Петрович.

В это время к столу подбежала собака — вроде как дворняцких кровей, но довольно симпатичная, с глубоким и добрым взглядом.

— Ты чья? — Изольда прикоснулась к рыжей собачьей голове.

— А вы чьи? — в тон ей раздался густой приятный голос. Друзья повернули головы — и чуть не свалились все трое. Хорошо, что скамейка была широкая.

— Иван? — почти задыхаясь от всего только что пережитого и нового его всплеска, воскликнула Изольда.

Олег Петрович схватился за сердце. Тимофей впервые в жизни потерял все слова...

Иван стоял напротив и, привычно глядя доверчивую морду собаки, улыбаясь, смотрел на друзей...

— Господи, ещё один Петрович! — отняв руку от сердца, чуть не шёпотом, с глазами, уже почти влажными, — резюмировал Олег Петрович.

У Изольды волоокие глаза покрылись двойным туманом. Первым опомнился Тимофей, вскочил и начал тискать высокого, крупного Ивана.

— Нет, такое только раз в сто лет бывает! — Изольда тоже приходила в себя.

— А я тебя первую узнал. Как-никак, артисты больше известны, чем мы, смертные.

— И я не удивлюсь, — волнуясь, продолжил Олег Петрович, — если сегодня же объявится и наша Маша.

— Мария!.. Я как-то видел её мельком в автобусе, недалеко отсюда, но побоялся ошибиться, а она скоро сошла, — посетовал Иван.

— Да-а, Маша, Машенька!.. Какая-то она сейчас? Как живёт? Помню, встретил её тогда ещё, перед отъездом на Север, — когда этот горный инженер задурил ей голову... Летала, как на

крыльях, а мать почему-то всё плакала. Так и вышло: ни любви большой не случилось, ни мать родную похоронить не смогла: телеграмма опоздала. Это мне уже её соседка рассказывала, — повествовал Тимофей...

— Я тебе покажу, как барахло китайское мне подсовывать! Ты у меня ещё попляшешь! — метрах в пяти хлопнула дверца машины, и решительная, в меру дородная женщина двинулась к первому подъезду, бросив незначащий взгляд на сидящих за доминошным столом.

— Мария! — что есть мочи крикнул Олег Петрович...

ЗА СТАЛЬНОЙ ДВЕРЬЮ

Не удивительно, что у Ивана Петровича, бывшего бухгалтера, был пёс. И не удивительно, что его звали Бим. После развода с женой, двадцать лет назад, и после неудачной своей любви к молоденькой секретарше, которая, почти обобрав его до нитки, скрылась в неизвестном направлении, — жизнь пенсионера без собаки, само собой, была бы просто одна сплошная тоска. Ни от жены, ни от сына, уже взрослого, — не было никаких вестей. Жена не простила ему измены и, видимо, в том же духе воспитала сына Сергея. Слава Богу, природа не обделила Ивана Петровича

ни здоровьем, ни могучим духом. А недавняя встреча с друзьями юности опять заполнила жизнь чем-то очень тёплым и настоящим. Фотография Изольды, которая очень и очень нравилась ему ещё тогда, в школе, — была водружена на самое почётное место в центре массивного письменного стола. Раньше за ним Иван Петрович проводил бессонные ночи в ожидании очередной ревизии на фабрике, в десятый раз пересчитывал финансовые показатели, пока не убеждался, что придраться будет не к чему. Фантастическая аккуратность Ивана Петровича во всём не только стоила ему нередких розыгрышей на работе, но и снискала огромное к нему уважение, ведь за всем этим стояли средства, и немалые.

Как обычно, сегодня Иван Петрович отправился с Бимом в магазин и, как обычно, решил зайти в соседний подъезд к Григорию Гавриловичу, — что уже был слаб ногами и пользовался услугами Ивана Петровича во многих житейских делах.

Однако дверь отворилась почти сама собой, и тут же мимо него пронесли на носилках соседа...

— Что случилось? — успел спросить вслед, но не получил ответа.

Бим беспокойно скулил и буквально не пускал хозяина в чужую квартиру.

— Это ещё что? — возмутился Иван Петрович

и, оттолкнув собаку, рванулся через прихожую в комнату.

Там сидела на стуле, рядом с пустой кроватью, дочка соседа, Наталья. У окна стоял муж, высокий и худой. Соседка, тётя Феня, что живёт этажом ниже, смахивала рукой слезы и причитала:

— Господи, ну зачем же так-то? Ну, пожаловался бы: может, и полегчало бы на душе...

— А на что жаловаться-то? — вскинулась Наталья. — Каждый выходной приходила, детей бросала своих, а порядок здесь наводила! Что он, не мог со мной поговорить по душам? Кто ему мешал?

— Гордость собственная, вот кто! — повернулся к ним мужчина. — Два-три раза я здесь был, и всё уходил с его выговорами. Не так живём, не то делаем...

— Так для вас-то, молодых, уже и время другое, а он в своём, никак, оставался. Душу-то не так просто развернуть! Да и нездоровье палки в колёса вставляет, уж по себе знаю...

— Господи, — не выдержала Наталья и откровенно, вздохнув, заревела. — Может, и по-другому надо было с ним!..

Иван Петрович подошёл к ней, положил большую тёплую руку на плечо.

— Не убивайся так, доченька. Тебе ещё растить детей надо! — И, обращаясь к соседке: — Что произошло-то?

— Да вот... наглотался этой дряни... — она показала на тумбочку с лекарствами. — Врач сказал, вряд ли спасут.

— Вот так, все время только о себе думал! — вырвалось у мужчины. — Всё с гонором своим большевистским! Всё ему не так и не этак! Был бы покладистой...

— Да перестань ты, зануда! — крикнула Наталья в сердцах. — Мог бы, как мужчина с женщиной...

— Ну вот, нашли наконец-то виновника! Пребольшое спасибо! — стукнул тот по оконной раме, отчего стекло опасно «взвыло».

— Не ругайтесь вы хоть сегодня! — прикрикнула на них тётя Феня. — Чё сейчас говорить, все виноваты! — и, почти плача: — Одинокий он был, вот в чём дело. Очень одинокий! Ну, ходили мы все, вот и Иван Петрович — никогда, ни в чём не откажет, а душа-то у Григория всё сиротиною маялась... Да и, надо сказать, ящик этот проклятый, — она показала на телевизор, — тоже здорово постарался!

— А причём тут ящик? — недовольно спросил мужчина.

— А притом! Нам-то некогда в него сутками глядеть, а он, бедный, и смотрел, и переживал! От одних новостей с ума сойти можно, а уж про фильмы и говорить нечего! Одни убийства, да

разбои, да разврат! Вот и сгорала душа-то бедная, ведь выплеснуть-то всю горечь, поделиться — не с кем было!.. Я что, я баба простая, еле грамотная, со мной ему неинтересно было... — и тётя Феня заплакала снова.

— А, может, с пьянки он учудил всё это? — хладнокровно предположил мужчина.

— Не-ет, он уже два месяца не вспоминал о ней, проклятой злодейке: дыхание стало перехватывать от неё.

— Последнюю бутылку давно в мусорку выкинула, — подтвердила Наталья, и опять заплакала.

И только Бим переводил свои грустные глаза с одного на другого, потом спрашивал Ивана Петровича: «Может, пойдём? А то и мне плакать хочется».

— Наталья, если помощь понадобится — не стесняйтесь. Дай Бог, может, спасут, — и они с Бимом пошли по делам.

Но спасти Григория Гавриловича врачам не удалось. Под вечер позвонила Изольда — так, от нечего делать, но узнав о беде и прихватив по пути Олега Петровича, примчалась к Ивану.

Посидели за чаем, поговорили и об одиночестве, и о равнодушии людей друг к другу.

— Кстати, вспомнилось одно стихотворение, — вздохнула Изольда. -

Хорошие, в общем-то, люди,
Мы всё же неважно живём.
Как мало друг друга мы любим,
Как редко на помощь идём!
А после, опомнясь, латаем —
Всё то, что полезло по швам...
И тут, как назло, не хватает —
Ни ниток, ни времени нам... —

и заключила:

— Нельзя нам теперь терять друг друга, никак нельзя!

— Да, понаставили стальных дверей да решёток на окна, чтобы добро сберечь, а про душу-то и забыли! — продолжая разговор, резюмировал Олег Петрович. — Тут виновато одиночество, а в другом случае — крайняя бедность на крайности толкает. Уже без стеснения в мусорных баках люди роются. А ведь не всякий такое унижение способен вынести!.. И дети — они тоже разные. Эти хоть навещали старика, быт устраивали, а есть и такие, что гуляют по белу свету, тоже полунищие, до «предков» ли им! Когда зачастую — ни работы, ни зарплаты нормальной...

— Но как-то надо сопротивляться, нельзя же вот так, — почти про себя рассуждала Изольда.

— Что делать, не все бойцами рождаются, —

вздохнул Иван Петрович. — А государству пока не до нас...

ВЫСТРЕЛ ИЗ ПРОШЛОГО

Сегодня друзья впервые собрались все вместе и, естественно, — у Олега Петровича. Лидер есть лидер, сколько бы не прошло лет с юношеской поры.

— А ты, Олег, неплохо устроился! Вон, хоромы какие!

Тимофей восхищённо оглядывал большую комнату.

— Ну уж, хоромы! Обыкновенная квартира. Просто из трёх комнатёнок две сделал.

— И сам, слава богу, неплохо смотришься! — радовался Тимофей.

— Если вам угрожает старость, пожалуйста на неё в милицию, — парировал Олег Петрович.

— И пенсия, наверное, неплохая?

— И тут ничего особенного. Я ведь был вынужден уйти, что называется, в отставку. А с того момента многое закрутилось не так, как надо.

— А что случилось? — Мария всё ещё вглядывалась в Олега Петровича, будто вспоминая того, прежнего: молодого, энергичного, всегда подтянутого, всё разумеющего... Она знала, что нравилась Олегу, причём не на шутку. Но Марии

тогда казалось, что Олег — какой-то не слишком натуральный, что ли. Уж чересчур хорош, уж слишком удачлив. И когда на выпускном вечере объявился тот самый горный инженер — дерзкий, веселый и в то же время необыкновенно чуткий к робкому девичьему сердцу, — судьба будто бросила Марию в его объятия...

— Да не хотелось бы сегодня ворошить всё это, — отвечая на вопрос Марии, проговорил хозяин.

— Ну, чего там, дед, рассказывай, куда деваться, — в дверях гостиной стояла Лена.

— Ну, Олег, не тяни! Мы же друзья! Или не так? — Тимофей со знанием дела допил рюмку, закусил грибочком и развернулся к Олегу Петровичу, мол, весь — внимание.

— Ладно, что делать. Закончил институт, уехал по направлению в Пермь. Заметили — и как инженера, и как секретаря комсомольского. Вскоре женился. Не знаю, по любви ли... Так получилось: часто стал бывать у одного видного обкомовского начальника, а у того — дочь, Светлана. Вскоре был уже заведующим отделом. Энергии, ума — хватало, и через два года уже был третьим секретарём обкома.

— Это ты всё вверх шёл, так? — Иван Петрович по привычке расставлял точки над «и».

— Точно, так оно и было. Порою даже не

верилось, уж чересчур гладко и красиво всё выходило.

— Но судьба не любит однообразия, — вступила Изольда, почти улыбаясь. Она чувствовала на себе взгляды Ивана Петровича, такие же откровенные, как много лет назад. И от этого, и оттого, что сумела как женщина сохранить всё-таки желанную внешность, и оттого, что наконец-то все снова встретились, буквально сияла. Ей не раз говорили о сходстве в глазах, фигуре, причёске, поведении — с Ириной Мирошниченко, а она была Изольдой Горской и вовсе не стремилась ни на кого походить.

— Понятно, в каждой избушке свои погремушки. Олег, не тяни kota за хвост! — Тимофей почти стукнул рукой по столу, отчего его всё ещё густая шевелюра колыхнулась.

— Ладно, только коротко. Не хочется портить встречу... Однажды, и уже в который раз, поехали на «царскую охоту» в заповедник. Там был участок, законом отведённый для того. В этом плане — никакого криминала. Естественно, было немало людей, обслуживавших всё это. Первый меня звал с собой, потому что потом за столом я устраивал всем буквально мозговую атаку, что-то вроде нынешних модных кроссвордов. Ну, конечно, щадя самолюбие Первого... В общем, получалось и занятно, и полезно, без пошлых анекдотов и прочих

сальностей.

— Да вы всегда были такой молодец! — Изольда, румяная от вина, всё ещё почти радостно слушала старого друга.

— Нет уж, какой молодец! Слушайте дальше, раз завели. — Олег Петрович уже сам «гнал коней». — В ту охоту ранили одного из помощников егеря.

— Как, ты? — Мария невольно расширила и без того большие, красивые голубые глаза.

— Нет, не я. Но беду свалили на меня. Я должен был, по раскладу, быть близко от него. И как-то весть эта очень быстро разнеслась... До суда Первый не дал довести дело, пострадавшему оказали всяческую помощь, а я оказался без вины виноватым: один давний мой недоброжелатель, бывший на охоте, подставил меня.

— Это как же, Олег Петрович? Почему сдались? — Изольда почти нежно смотрела на него.

— А так. В ту ночь я был у одной женщины в соседнем посёлке.

— Любовницы? — уточнил Тимофей.

— Какая разница, как назвать. Несколько лет я под разными предлогами ездил к ней. Работала она заведующей библиотекой. Влюбилась в меня в первую же встречу. Мне сначала было приятно, щекотала самолюбие её преданность, незнакомая мне прежде, а потом и сам уже искал встречи.

— И ты не мог, конечно, раскрыть своё алиби? — Иван Петрович даже подался вперёд.

— Конечно, тогда это было ещё худшим преступлением. И не хотелось ранить ни жену, ни ту, Ксюшу... Так что подал я в отставку, обменял квартиру на Подмосковье и уехал с семьёй.

— Ну, так невелика беда! Подумаешь, из больших чиновников турнули!.. Или... ещё что-то? — пытал хозяина Тимофей.

— То-то и оно. Через два года стал я получать в конвертах угрозы. Обратного адреса на них не было. Потом всё прекратилось, и я уж, было дело, вздохнул... И вот, год назад погибла Светлана. Официальная версия — попала под машину. А вскоре угрозы возобновились... Я догадывался, что это тот самый помощник егеря, и даже ездил туда, где он раньше жил. Сказали, что с семьёй у него не склеилось, уволился, уехал, адрес новый никому не сообщил. А на последних «посланиях» был уже здешний штамп.

— Значит, он где-то рядом? — с тревогой предположила Мария...

— Боже мой, вот и встретились! — Изольда чуть не заплакала.

— Вот и встретились! И сейчас Олег — не один! И мы всё сделаем, чтобы... — Тимофей от волнения запнулся.

— Да ладно, ребята, хватит об этом. Изольда,

прочитай что-нибудь для нас, — Олег Петрович чувствовал себя виноватым.

— А что? — Изольда задумалась.

— Ну, об осени что-нибудь! День-то вон какой! Загляденье просто! — и все вслед за Марией взглянули в окна...

— Хорошо, слушайте.

Ах, время сердито, и даже, и даже
Не слишком перечит вражде и корысти, —
Но снова спасут и дорогу укажут
Кленовые листья, кленовые листья...

А что же любовь? И сомненья, и споры,
Бессмысленной ревности ветер неистов,
Но живы счастливых мгновений узоры —
Кленовые листья, кленовые листья...

А что же друзья? Так же бьются, наверно,
За хлеб и надежду, и скупы на письма,
Но вечно хранят нашу дружбу и верность
Кленовые листья, кленовые листья...

Так, значит, мы все — хоть немножко —
поэты,

И выживет голос, влюблённый и чистый,
И снова светло разлетятся по свету
Кленовые листья, кленовые листья...

— Спасибо, Изольда. Нам крепко повезло с тобой, — правда, друзья? — спросил Олег Петрович. — Конечно, тешит самолюбие, что известная артистка — наша подруга, но главное — друг настоящий, да ещё такой талантливый!

— Ну, ребята, вы меня смущаете. Искусство — такая же трудная работа, как и все остальные. Просто больше на виду, вот и всё. И давайте сменим тему, ей богу!

— Ну, что ж, если хотите, перейдём на собачью историю. У меня немало знакомых собачников, так что недостатка в этих историях нет. Хотя... если честно, это ведь истории о нас! — включился в разговор Иван Петрович.

— Заинтриговали, Иван Петрович! Давайте — вперёд и с песней! — поддержала Мария, с которой снова не сводил глаз Олег Петрович...

— Ну, слушайте, — с удовольствием согласился Иван Петрович. — На территории ЖКХ, что недалеко отсюда, объявилась собака. Недолго думая, электрики назвали её Фазой. В котельной, где была их коптёрка, она появилась неожиданно и, наверное, к обеду. Тогда здешний народ заметно мягчеет. Небось и подбросить чего-нибудь было этой, невесть откуда взявшейся дворняжке... Так или иначе, мужики признали её, стали подкармливать, за что рыжая подружка платила

нежностью, заглядывая ласково в глаза, и верностью, не пуская в коптёрку чужих. Особенно рьяно набрасывалась на женщин.

— Это почему же? — спросила Мария с иронией.

— Видно, благодаря бывшей хозяйке... Но пойдём дальше. Однажды от нечего делать Фаза увязалась за Николаем — высоким добродушным человеком, и как-то вдруг оказалась у него в гостях, благо жил он совсем близко. Тут-то и произошла её первая встреча с четвероногим хозяином квартиры Джеком, тоже не больно породистым, но зато вполне гордым псом. По старшинству своему и мужскому достоинству скандала он учинять не стал. Видно, подумал: бог с ней, пусть себе забавляется, уйдёт ведь туда, откуда пришла на обед с хозяином. Бедный пёс и не думал, чем грозит ему это случайное знакомство.

— Известно, чем — женским коварством! — засмеялся Тимофей.

— Можно подумать, что и ты натерпелся... — в тон ему заметила Изольда.

— А в жизни много чего бывает! — уклончиво парировал друг. — Но — Иван, а что дальше?

— А Фазе, этой невоспитанной особе, очень даже понравилось в гостях. И голодной не осталась, и квартира приглянулась: есть где погулять. К тому

же этот, с серыми подпалинами тип, вроде и не злится. И после обеда, на работе, Фаза буквально не отходила от Николая. А уж когда вечером он двинул к дому, что началось! Забежит по тропке вперёд, стойку сделает, повернется перед ним и так, и этак, дескать, разве я не моложе, не красивее той, в серых подпалинах, псины? А уж как любить буду, — говорили её карие глаза, — век не пожалеешь, что встретил меня!

Николай, конечно, всё понял, усмехнулся по-доброму: так и быть. Вот только как бабы дома посмотрят! Две собаки — нынче дело хлопотное.

— Уж это точно! — не удержался Тимофей. — На даче, было дело, двоих завёл, так после пожалел: то спать не дают, то разнимаешь в драке...

— Тимофей Петрович, давайте дальше послушаем! — взмолилась под общим смех Лена.

— Так вот, дома у Николая Фаза слышала, как долго и громко выговаривала ему хозяйка. Забившись в угол и дрожа от волнения, она молилась по-собачьи за Николая и, видя его упорство, чуть не плакала от благодарности к своему благодетелю. И, наконец, измучившись от переживаний, заснула...

А Джек, не дождавшись праведного суда над самозванкой, так и не смог сомкнуть глаз. И никому не узнать, что передумал он, что перечувствовал в

эти долгие чёрные часы... Но утром, когда хозяйка выносила ведро с мусором, он тихо вышел из квартиры и пропал навсегда, даже не попрощавшись с Николаем. Видно, не смог простить «предательство» даже любимому хозяину.

— Какая благородная гордость! — не удержалась Изольда.

— А дальше... — продолжил Иван Петрович, — погрустил Николай, погрустил, да что делать. Надо жить. А Фаза, будто всё на свете понимая, платит ему сейчас такой любовью и верностью, такой готовностью пожертвовать собой ради его спокойствия, — что как только выдерживает ее сердечко! И если есть собачье счастье, то вы увидите его в этих карих преданных глазах...

— Господи, я даже прослезилась, — поднесла платок к глазам Изольда. — Это ж судьба — не проще человеческой!

— Спасибо, Иван Петрович. Вот бы детям такие рассказы читать почаще! Может, помягче были бы... А то ведь — страшно иногда рядом оказаться. Мат, грубость, а то и жестокость к своим же товарищам, — заметил Олег Петрович.

— А всё потому, что перестали любить настоящую литературу! Поэзию, к примеру. Мне тут на глаза попало одно стихотворение, я его иногда читаю на концертах. Послушайте.

Ах, хорошо бы — о хорошем!
Но темь гуляет даже днём.
Да нет, мы вовсе не о прошлом,
Когда потерям счёт ведём.

Душа побитая стенает
И всё не тает в горле ком,
Когда Державина не знают,
А Пушкин только чуть знаком.

Как можно толковать о чём-то,
Когда душа — на вертеле,
Когда с ума сошли девчонки,
И от бесстыдства в том числе!

Пред Богом преклонить колено
Я за других сегодня тщусь, —
И смотрит Запад вожделенно
На некогда святую Русь...

— Да уж... — согласился Олег Петрович. —
Но не будем сегодня грустить. Я, к примеру, просто
счастлив видеть нас всех вместе!

— А кто спорит! Этот день мы впишем в
календарь! — пафосно заключил Тимофей и поднял
рюмку: — За дружбу!

Вечер встречи друзей продолжался.

ОБМАНУТЫЕ

Суббота. Тимофей с внуком Славкой ходят по местному рынку, закупают на неделю продукты, изредка заглядывая в список, что дала Клавдия.

— Ну, что там ещё осталось? — Тимофей достал из кармана «шпартгалку».

— Дед, бабушка про горошек зелёный говорила! Помнишь?

— Доберёмся и до горошка. Так, значит — котлеты есть, рыба есть, масло тоже...

— Дед, а чё это люди у весов толпятся? А продавца нет!

— Так это же контрольные весы! Кто сомневается — идёт сюда и проверяет...

— На обман, да? Как интересно!.. А что потом?

— Ну, потом идут к продавцу права качать...

— То есть, требуют своё?... Дед, а давай и мы...

— Да ну тебя! Не люблю я это... Ещё потом облают ни за что, ни про что.

— Дед, ну давай проверим!

— Да что это тебя взяло?

— Ну, если... того... Разницу ты мне отдашь, ладно?

— Ах ты, чёрт полосатый! А я-то думаю, чего

это он в справедливость ударился? На что деньги-то надо?

— И на кино, и на мороженое, сам знаешь...

— И на курево?

— Нет, что ты! Клянусь, дед!

— Ну, да ладно, дольше спорим. Пока никого нет, — пошли.

Они взвесили масло.

— Значит, дед, на целых сто пятьдесят граммов обманули? Ужас какой! Это сколько же украли у нас?...

— Считай, почти девять рублей.

— Вот это да!.. А такая красавица — продавщица-то...

— Постой, ну-ка, давай рыбу бросим... Вот это да! Целых двести пятьдесят граммов накинула! И как это они умудряются? Что это за весы у них такие?

— А это на сколько тянет?

— Если по тридцать два за килограмм... Давай-ка, сам считай, а пока пошли, — где масло брали, а то откажется...

«Вот ведь, паразиты, — думал на ходу Тимофей. — Знал, что обманывают, но — что с такой наглостью!.. Ведь видно, что не коммерсанты никакие! Откуда у нас лишние деньги?...» — Тимофей невольно завёлся и перед «красавицей» был во всеоружии.

— Ну-ка, дочка, глянь, сколько ты тут навешала? Глянь, нечего глаза-то пялить! Это уж ты вечером глазки строй где-нибудь в ресторане, на деньги наши пенсионные, а сейчас живо расплачивайся, как положено!

— Отдавай наши деньги! — храбро поддакнул Славка. — А то я закричу, что ты всех обманываешь!

«Красавица» швырнула на стол десятку, Славка подхватил её — и в карман.

А Тимофей уже стоял у прилавка с рыбой. Там фокусничал молодой парень. Глядя на заведённого уже Тимофея, он просто отсыпал из кулака несколько «серебрушек».

«Вот тебе и не волнуйся, — будто отвечал жене Тимофей. — Да тут остатки нервов потеряешь! А магазины сейчас — не про нас. Вон, какие наценки! И там, и тут — «кругом шестнадцать»!

— Что же это с народом творится! Друг друга изводим!.. Жулик на жулике сидит и жуликом погоняет! — Тимофей не заметил, как заговорил вслух.

Славка дёрнул его за руку.

— Дед, да не переживай ты! Зря мы перевешивать стали, опять у тебя сердце заболит...

— Ладно, Славка, что там ещё осталось? — Тимофею будто стало легче от таких слов внука.

— А про горошек забыли! И ещё морковь — для Митьки! Бабушка сок будет ему делать.

— Да и ты, я знаю, не прочь...

— А то как же! Я же ещё расту!

— Ага, как что — так уже взрослый, а тут — «расту»! — засмеялся Тимофей.

Они прошли на другую линию торговых рядов, и вдруг услышали женский крик, а вскоре и увидели толпу зевак, а в центре — пожилую, прячущую глаза женщину, над которой возвышалась бой-баба в модном красном пуховике.

— А на вид — вон какая! И не подумаешь! Ах ты, стерва, лимончиком решила побаловаться! А мне он — с неба упал? Да я тут, на рынке этом, — скоро всё здоровье потеряю!.. А она — вон, цапнула, и в сторону подалась!.. Да не на ту напала!.. — разорялась баба-бой, привлекая новых зрителей.

Женщина и хотела, да не могла выбиться из круга обступивших, и только всё ниже склоняла голову, будто ещё надеясь скрыться от позора.

— Постой, постой... — Тимофей рванулся сквозь толпу, оставив удивлённого Славку. — Вера Ильинична?

Женщина подняла глаза, и вдруг слезы градом хлынули из них.

Тимофей схватил её за руку, вытащил из толпы, уже расходившейся. Славка шёл за ними

следом и думал про себя, что ещё ничего не понимает в этой жизни...

...— Раздевайтесь, Вера Ильинична, будьте как дома. Клава, принимай гостью! Это моя первая учительница!.. А ты, Славка, помоги бабушке сумки разгрузить!

— Да что вы, Тимофей, не беспокойтесь, да и мне домой надо, к мужу больному...

— Нет, нет! Правда, обед ещё не скоро будет, а чайком мы с Вами побалуемся — вон, в той маленькой комнате. — И крикнул в сторону кухни: — Клава, сделай нам бутерброды! На улице-то прохладно, аппетит сам по себе приходит!

Клавдия — невысокая, крепкая, с короткой стрижкой женщина — кивнула всем сразу, на миг выглянув из «кастрюльного» царства, и поспешила выполнить просьбу мужа.

Через несколько минут они сидели вдвоём, пили чай, и Тимофей слушал Веру Ильиничну.

— Муж мой, Виктор, — после операции... Так, ничего страшного, не беспокойтесь, но настрадался вдоволь, во всех смыслах. Больницы сейчас, которые для нас, бедных, — сами знаете, что такое. Хотя и лекарства, и многое другое, — всё за деньги. А на пенсии наши не разбежишься... Врач сказал, — витаминов надо побольше, чтоб окреп Виктор хоть немного... А у меня десять рублей осталось от пенсии, а жить ещё неделю, — и

то, если вовремя выдадут, — Вера Ильинична не выдержала и заплакала снова.

Тимофей закрыл поплотнее дверь, помог успокоиться гостье, хотя впору было и самому разреветься. Тайком принял таблетку, помолчал... «Такая» встреча и во сне не могла бы привидеться.

— Вера Ильинична, мы со Славкой проводим Вас, — уж коли спешите. А сейчас возьмите немного... — Тимофей протянул три десятки.

— Нет, нет, что вы! Такие же пенсионеры, так же маетесь! Ни в коем случае!..

— Ну, нас всё-таки не двое, сыновья пока, слава Богу, работают, не оставляют нас без заботы. Так что не сравнивайте и, пожалуйста, возьмите деньги. А то не отпущу к Виктору, — улыбнулся бывший ученик и довольный, что уговорил, открыл дверь.

— Славка, пошли, проводим Веру Ильиничну! Узнаешь, где она живёт! Будет минутка лишняя — забежишь, послушаешь, как дед твой учился, и вообще... Вера Ильинична — наш человек! Ты понял?

— Да что я, дурак, что ли?

— Вот и я так же думаю... Клава, мы быстро, и уж потом в полном твоём распоряжении будем!

— Как же, знаю я вас!.. А вы, Вера Ильинична, заходите в любое время, я почти всегда дома. Договорились?

Вера Ильинична впервые за последние месяцы улыбнулась и, боясь снова расплакаться, уже от благодарности, — только кивнула в знак согласия головой.

... До вечера Тимофей ещё по инерции держался бодро, а после ужина, когда остался один в комнате, сам с собой, — почувствовал, как горячая волна боли, негодования, отчаяния стиснула его всего... Едва успел проглотить спасительную таблетку, открыл окно, усилием воли вздохнул, проглотил ещё одну, — и только после этого в груди что-то отпустило, и страшная слабость разлилась по телу. В глазах всё ещё стояла толпа зевак, а в центре — Вера Ильинична, первая учительница, чей образ всю жизнь для него, ранее безбожного, — находился где-то на уровне Богоматери...

ПИСЬМО БЕЗ ШТАМПА

Олег Петрович возвращался домой. Работа с будущими дипломниками-энергетиками и занимала время, помогая отвлекаться от навязчивых мыслей о «неуловимом мстителе», и позволяла сводить концы с концами в смысле денег.

Доставая, как обычно, газеты из почтового ящика, Олег Петрович увидел снова то, чего так боялся: письмо — без обратного адреса, а на этот

раз и без штампа. Кольцо сжималось, а с ним, казалось, сжимается и душа... С трудом переведя дыхание, он поднялся на лифте домой.

— Дед, что с тобой?

— Ничего такого...

— Да на тебе же лица нет!

— Ну, устал, наверное. И, говорят, магнитная буря сегодня...

— Ну, ну... Я пойду, позанимаюсь. Обед на кухне, как обычно, — и внучка ушла в свою комнату.

Олег Петрович уже допивал чай, как в дверь позвонили. На пороге стояла тётя Феня.

— Олег Петрович, простите меня, грешную, никак со стиралкой управиться не могу!

— С чем?

— Да с машиной этой стиральной! Такой гром — на всю квартиру!

— Гром?

— Ну, дребезжит, как чумная!.. Редко с ней связываюсь, да уж больно часто надо на внучку стирать! Коля-то редко сюда забегают, всё ему некогда, — вот я и маюсь...

— Я поднимусь к вам, тётя Феня, только прихватчу инструмент.

— Ой, спасибо! — тётя Феня, поправив на голове платок, поспешила домой.

Перед выходом из квартиры Олег Петрович,

доставая ключи из кармана плаща, выдернул и злополучное письмо, которое упало на пол. Однако свет в прихожей был уже выключен, и Олег Петрович, ничего не заметив, захлопнул дверь и быстро поднялся к соседке.

— Ну что, тётя Феня, будем разбираться? — он прошёл в ванную. — Сначала всё отключим, правильно? А потом развернём этого зверя...

— Да уж точно, словно зверь ревёт! — тётя Феня была очень довольна отзывчивостью соседа и заранее благодарна.

— Боже мой, так вы же контр-гайки даже не убрали!

— Какие гайки?

— Да которыми панели скрепляют и всё остальное, чтобы при перевозке ничего не сместилось и тем более не сломалось.

— Значит, эти контры совсем не нужны?

— Вот именно, — засмеялся Олег Петрович. — Не все убрали, вот и причина.

— Дак это уж Николай. Всё бегом да впробеги. Всё впопыхах. Так и живёт...

— Ну вот, сейчас ничего гроыхать не будет, машина-то ещё новая. Так что будьте спокойны.

— Олег Петрович, спасибо большущее! Может, стопочку пропустите? Ей бог, от души предлагаю!

— Стопочку не надо...

— Ну, тогда хоть чайком со мной побалуйтесь! Скучно одной-то! Правда, Николай должен сегодня Светку подкинуть, внучку мою. Какие-то у них дела опять.

— Ладно, чашечку пропущу, — Олег Петрович оглядывал комнату. Подошёл к большой на комодe фотографии.

— Муж?

— А кто же ещё? Он самый, ненаглядный. Три года и успели пожить-то всего. Три года! А счастья на всю жизнь хватило.

— Вот, даже так бывает... А этот бравый морячок — кто?

— А это Колька и есть! Баламут мой!

— Почему баламут?

— А Бог его знает. Как-то у него всё быстро получается, но... не основательно, что ли... После флота и жениться успел, и внучку мне подарить, а работы настоящей всё никак не найдёт! И жена — хорошая, ничего не скажешь, а в делах тоже не очень успеваеt. Словом, два сапога — пара.

— Так нынче и специалисты многие без работы, не только молодёжь. Заводы и заводики — всё наполовину стоит, сами знаете.

— Ой, не говорите! Один только, что стекловату делает, и дышит, чёрт бы его побрал. Говорят, экология от него страдает. А город-то небольшой, где работать?

— Да вроде и Москва недалеко.

— Так вот и мотаются туда в переполненных электричках. Так и там — то фирма лопнет, то хозяин разорится, то ещё что... Надёжные-то места давно заняты!

— А как же молодые ваши концы с концами сводят?

— Да вы угощайтесь, вон, вчера печенья вкусенького купила, не стесняйтесь.

— Это, небось, для внучки.

— Да хватит и нам. И внучку уж не обижу, конечно... А насчёт концов с концами — так я и свожу! То есть, пенсия моя. И сама всю жизнь работала, и доплаты есть кое-какие: я ведь не только вдова фронтовика, но и дочь репрессированных родителей. Так что стабильная зарплата во всей семье — это моя пенсия. То и дело бегут занимать.

— И отдают?

— Да ну, какое там... Откуда? Жизнь-то вон какая дорогая, я же понимаю. Внучку — ту давно уже и одеваю, и подкармливаю чем повкусней.

— Ну, хорошо, пока...

— Пока жива. А там — и подумать страшно, как они будут!.. Господи, вроде наверху немало умных голов, да почему-то ничего не меняется! Одни бои да распри... Правда, хоть пенсию вовремя стали платить...

— Ну ладно, тётя Феня, спасибо за угощение, я пойду.

— Вам спасибо! Вот ведь, не погордились, помогли соседке! Не все нынче такие...

— Да что вы, тётя Феня, — Олег Петрович стоял уже в дверях.

— А что скрывать, очень мы Вас уважаем!

— Спасибо. Это кто же — мы?

— А жильцы наши! Хотя и редко общаемся, а всё равно видно, кто есть кто.

— Ну ладно, спасибо на добром слове. До свиданья.

Олег Петрович спустился по лестнице и чуть не столкнулся с выходящим из его квартиры мужчиной.

— Здравствуйте, — сказал тот и быстро прошёл к двери напротив, где жил умерший недавно Григорий Гаврилович.

— Ой, дед, только закрыть хотела, — встретила его Лена.

— Кто это был?

— А сосед новый, Павел Евгеньевич. Спрашивал расписание электричек на Москву. Такой внимательный, пристально очень смотрит...

— Пристально? Ведь чужой человек! А ты впускаешь!..

— Да ладно, дед, скоро мама будет звонить. Пошли, отдохнём немного, а то всё дела...

Олег Петрович, вспомнив тут же о письме, схватился за карманы, осмотрел всю прихожую. Конверта не было. И не похоже, что Лена в курсе. Он почувствовал, как что-то едкое и тревожное снова подкатывает к сердцу...

УКРАДЕННАЯ ФОТОГРАФИЯ НОЧНОЕ НАПАДЕНИЕ

Однако и вечером этого дня отдохнуть не удалось. Едва Олег Петрович успел включить телевизор, где снова брызгал желчью непотопляемый журналист, ныне ведущий ОРТ, как в квартиру позвонили. В дверях стоял старший по подъезду Егор Иванович, пенсионер, бывший слесарь-передовик, а с ним — Альберт Игоревич Балясный, руководитель местного банка, живущий выше.

— Здравствуйте, Олег Петрович! Извините за беспокойство, — начал бывший слесарь.

— Да вы проходите. — Олег Петрович включил в прихожей свет.

— Нет, мы только на минутку, всё по тому же вопросу, — насчёт дверей и домофонов... Вот, Альберт Игоревич обещает материально помочь в этом вопросе... Но никак не уточним полный список желающих...

— Я давно сказал, что согласен, — Олег

Петрович был не особенно рад волонтерам — по известным нам причинам.

— Нет, это мы, конечно, знаем. А вот у вас новый сосед объявился, говорят, вы уже общались с ним... Может, поспособствуете нам?

— Не общался я с ним! — неожиданно резко даже для себя отрезал Олег Петрович.

— А как же... вон, тётя Феня говорит...

— Впрочем, хорошо, идёмте вместе, — Олег Петрович захлопнул дверь, и вся троица шагнула к квартире напротив.

Позвонили раз, другой. Наконец за дверью раздались шаги, послышался глуховатый голос: «Кто там?».

— Извините, мы к вам по делу, насчёт домофонов, — откликнулся Егор Иванович.

Хозяин неторопливо справился как минимум с двумя замками и приоткрыл дверь.

— Ну, проходите, — оглядев троицу, сказал так же глухо и впустил непрошенных гостей в прихожую. Однако дальше пройти не пригласил.

Олег Петрович стоял у вешалки, где чернело добротное кожаное пальто, и видел часть комнаты. Стены были голыми, на столе, оставшемся от бывшего хозяина, — стояла фотография в рамке, довольно большая, издали показавшаяся Олегу Петровичу знакомой.

Хозяин перехватил его взгляд и как бы не

умышленно заслонил собой проём двери.

Олег Петрович не слышал, что говорили новому жильцу его соседи по подъезду. Стараясь не выказывать своего настороженного любопытства, он все-таки хорошо разглядел того, кто уже успел пообщаться с его внучкой.

Мужчина был очень крепок, в меру высок и даже несколько приятен лицом. Тёмные волосы, скулы и подбородок придавали лицу определённую, граничащую с резкостью, но ещё достаточно свежая кожа щёк как бы уравнивала всё это. И только небольшие чёрные глаза, не дремлющие ни минуты, — выдавали какую-то застарелую, почти хроническую напряжённость. Разговаривая с гостями, он ни разу не встретился взглядом с Олегом Петровичем.

— Ну, вот и хорошо, вот и договорились, Павел Евгеньевич. За деньгами потом зайти?... Впрочем, вот и Олег Петрович в курсе, так что можете и ему передать... Это очень порядочный человек!

— Ну что вы, в самом деле! — почти возмутился Олег Петрович, но, увидев удивление на лицах, смягчился: — Впрочем, спасибо на добром слове. — И вдруг, будто кто-то подтолкнул: — Павел Евгеньевич, а что это за фото у вас на столе? Если не секрет, конечно. Очень красивая фотография.

— А, это... Так, одной знакомой.

— А вкус у вас — о-го-го! — оживился радостно Альберт Игоревич. — Можно взглянуть поближе?

Однако новый сосед заторопился:

— Простите, у меня дела...

— Да-да, конечно! — банкиру новый сосед явно понравился. — У нас ещё будет время пообщаться! Всего вам доброго.

Выпроводив незваных гостей, хозяин рванулся к столу, схватил фото, чтобы спрятать, но потом сел напротив и, как загипнотизированный, долго смотрел на снимок, при этом чёрные его глаза были похожи на раскалённые угли... С фотографии смотрела Лена, внучка Олега Петровича, а снимок он снял украдкой с витрины ближайшего дома быта...

...Казалось бы, хватит на сегодня «сюрпризов», но через час к Олегу Петровичу заглянула Изольда и рассказала, что вчера, около двенадцати ночи, на неё напал незнакомый мужчина.

— Час от часу не легче. Что же вы, Изольда, так поздно гуляете?

— Да не гуляла я! — сквозь слезы причитала подруга юности. — Ехала из Москвы, после концерта в Театре эстрады. Шла с электрички мимо парка, каких-то метров пятьдесят всего-то, и вдруг

вынырнул откуда-то, дёрнул за руку, и — в темноту... — Изольда не выдержала и дала волю слезам. — Я говорю — возьми деньги, часы, что ещё надо, — а он тащит за собой, и всё тут...

— Господи, и что же? — Лена стояла в дверях гостиной.

— То, что закричать успела и каблуком, видимо, на ногу ему наступила. Тут и вырвалась, и бросилась что есть сил к дому!..

— Изольда, идёмте, чайку попьём, а после я вас провожу, — и хозяин увёл гостью на кухню, прикрыв за собой двери.

— Как он выглядел? Вы рассмотрели его?

— Очень плохо.

— Ну, всё-таки, какого роста, и прочее?

— Выше среднего, глаза какие-то звериные, это уж точно. Сильный, лет тридцати. Вот и всё.

— В милицию обращались?

— Нет, вот пришла посоветоваться. Всё-таки, сами понимаете, меня здесь многие знают... Найдут его, не найдут, — а сплетен не оберёшься... А вы как думаете, Олег Петрович?

— Я действительно подумаю, как следует... обо всём этом. А сейчас я вас провожу, времени уже много. Главное, придите в себя. И второе — никому не открывайте двери наобум, хорошо?

— Олег Петрович, вы так умеете успокоить, спасибо вам, — припудривая нос и вытирая глаза,

говорила Изольда.

Когда выходили на лестничную площадку, Олегу Петровичу показалось, что дверь напротив была чуть приоткрыта. А впрочем, может, и действительно — только показалось.

ОТ ВОРОТ ПОВОРОТ

Сегодня после обеда Олег Петрович консультировал в институте. Работа эта не только помогала ему на деле оставаться инженером, но и видеть тех, кто шёл на смену его поколению, когда звание инженера хоть и не котировалось, как где-нибудь в Латинской Америке, но и не было так беспомощно, как нынче.

— Боже мой, Михаил, что ты тут наворотил! — разглядывая чертежи, удивился Олег Петрович. — Ты что, прогулял все четыре года учёбы?

— Никак нет, — попробовал отшутиться белобрысый парень, почти подросток по внешнему виду.

— Но схема-то у тебя — ни в какие ворота! Генератор это или фонарик карманный?

— Ну, Олег Петрович, не сердитесь. Вот, нарисуйте на листочке, а я аккуратно всё перенесу на чертёж...

— А на заводе тебе кто рисовать будет? Дядя

Ваня? — Олег Петрович почувствовал, что заводится. — Ты в институт сам поступал или тебя за ручку привели?

— Привели, Олег Петрович, — откровенно вздохнул Михаил.

— Как — привели?... Ты что, не шутишь?

— Да уж какие шутки! Мама сказала, что если я не буду инженером, — то и её жизнь будет кончена.

— А ты сам-то чем бы хотел заниматься?

— Слесарем бы работал.

— Да как же ты учился? Курсовые, и прочее?...

— Друзья помогали. У меня характер хороший.

— А у меня плохой. И работать я с тобой отказываюсь.

— Олег Петрович! — не ожидая такого поворота, чуть не заплакал студент. — Ради мамы, помогите!

Олег Петрович не знал, что делать.

— Говоришь, характер хороший?

— Да ничего вроде...

— Ну вот, раз хороший, пусть друзья и вытаскивают. Чтобы в следующий раз хоть что-то существенное на этой бумаге было. Всё, договорились.

Михаил сложил чертежи, понуро вышел.

А в дверях стоял уже следующий.

— А, Сергей! Ну, проходи, — почти обрадовался ему Олег Петрович и сам развернул ватман. — Вот это другое дело, вот это я понимаю... Подумай только ещё над аварийным вариантом: как заставить работать схему, если два двигателя из трёх вдруг откажут?

— Но, Олег Петрович, это сложно...

— Да зато интересно! А ведь жизнь-то всякое преподносит! — к Олегу Петровичу почти вернулось хорошее настроение. — А, кстати, ты Михаила этого хорошо знаешь?

— Ну, так себе, особо не дружим... Провинции в нём много, честно говоря, — и Сергей тряхнул ухоженной чёрной шевелюрой, повёл горделиво плечами. — Да и, честно говоря, инженера из него всё равно не получится!

«Да-а, — подумал про себя Олег Петрович. — Самоуверенности хоть отбавляй, хотя голова определённо золотая. Кого это он мне напоминает?» — и Олег Петрович даже сдвинул брови, чтобы вспомнить.

— Господи, да это же я сам когда-то! — вдруг громко выпалил он.

Сергей удивлённо смотрел на странного пенсионера.

— Ты вот что, — овладев ситуацией, сказал Олег Петрович. — Всё-таки помоги Михаилу. Тебе

это — раз плюнуть, а парень совсем из сил выбьется. И характер хороший пропадёт. А с добрыми людьми всё-таки жить приятнее, правда? — и Олег Петрович многозначительно посмотрел на Сергея.

— Конечно... Наверное... Хорошо, Олег Петрович, я помогу ему.

— Вот и договорились.

С третьим будущим дипломником всё оказалось куда сложнее. И голова вроде на плечах, а лентяй безбожный. Ведёт себя вальяжно, превосходство так и прёт из каждой клетки. У этого отец — банкир, все вопросы решаются с помощью зелёных. Слава Богу, Олегу Петровичу взятку не предлагал. Сомневался, должно быть.

— Ну, что там у нас? Давай вместе глянем! — Олег Петрович склонился над чертежами, Кирилл сел напротив: нога на ногу, откинувшись на спинку стула. Со стороны было не ясно, кто кого учит.

— Кирилл, ты же ничего не поправил, всё как было! — Олег Петрович с удивлённым возмущением вкинул глаза на студента.

— Знаете, некогда было. Я ведь руководитель студенческого клуба, — вы слышали, наверное. Работы — выше головы, сами понимаете...

— Это ваше личное дело. А диплом защищать думаете сами или?...

— Конечно, сам, о чём речь. Кстати, отец уже

подыскал хорошее место в одном совместном предприятии...

— Это опять же ваше личное дело. Ну, ладно бы — не понимали, не умели... Ведь всё можете, я знаю! Но работать не любите! — и, подумав: — Вы думаете, в этом самом... предприятии — работать не придётся?

— Ну, руководить — совсем другое дело. А я думаю, к этому всё идёт.

Олег Петрович на миг даже потерял дар речи.

— Да что мы, в самом деле, — кисели разводим! — Кирилл сунул руку в карман и положил на стол конверт. — Олег Петрович, выручите, доведите это до ума. И я, и отец — будем вам очень благодарны. Кстати, он просил пригласить вас в гости. Говорит, умные и порядочные люди — наши лучшие друзья.

— Во-первых, заберите это, — Олег Петрович толкнул конверт от себя. — Во-вторых, через неделю жду готовых решений на бумаге, иначе отказываюсь вести вас дальше. Всё, — и выходя обернулся: — Большой привет папе!

Уже покидая институт, сбоку от дверей увидел большую красочную афишу с программой мероприятия в клубе.

«1. Как стать преуспевающим бизнесменом.

2. Как стать валютной проституткой».

Он не поверил своим глазам, сделал шаг

назад, и... прочитал то же самое. С недоумением оглянулся: «Где я?» И убедившись, что сие — не сон, почти рванулся на улицу.

«Господи, опять завёлся. Сколько можно? Совсем нервы расшатались», — пробовал он успокоить себя.

Как назло, дорога домой шла мимо отделения милиции, и Олег Петрович, всё ещё в заведённом состоянии, толкнул туда дверь. Тем более, что намерение это зрело давно. Вот только идти, по сути, было не с чем. Но всё-таки, а вдруг...

Товарищ из милиции очень внимательно выслушал Олега Петровича: и о письмах, и о смерти жены, и о нападении на Изольду, и о новом соседе... Пришлось, естественно, и старую историю рассказать.

— Да-а, многовато всего... И ничего конкретного, в уликах. Одни белые пятна, увы... Конвертик ко мне, конечно, занесите, но уверен, что ничего стоящего он не даст. А сейчас, простите, я должен ехать. Дел, сами понимаете, по горло, — глядя куда-то вбок, сказал собеседник и, не прощаясь, выскочил вон.

«Вот и поговорили, — почти вслух думал Олег Петрович, подходя к дому. Явное нежелание заняться его делом он почувствовал слишком хорошо. — Понятно, не до меня. Столько нынче горячих происшествий, столько нераскрытых

уголовных дел!.. Но ведь и это — не пустяк какой-нибудь. Видимо, придётся самому действовать...»

А в ящике уже лежало очередное послание: «Забудь о милиции, а то хуже будет, и не только тебе». Чёрные печатные буквы, казалось, врезались в самое сердце...

«ТО ВЗЛЕТ, ТО ПОСАДКА...»

Сегодня Олег Петрович был почти счастлив. Дело в том, что Лена поступила на исторический факультет МГУ. Такой радости в душе не было давно. По этому случаю по предложению Лены Олег Петрович пригласил друзей.

Иван явился со своим Бимом, и все были рады этому. Изольда, как и полагается артистке, — была хороша. Искренние, восхищённые взгляды Ивана Петровича опьяняли, что называется, без вина, и её волоокие глаза почти плавилась от такого желанного мужского внимания.

Мария была в синем, с блёстками, костюме, что очень шёл её голубым глазам, а гладкие каштановые волосы, скреплённые сзади узлом, словно подчёркивали неординарность и цельность натуры. Она то и дело ловила взгляды Олега Петровича, который сегодня улыбался так искренно и открыто, что у Марии начинало щемить сердце.

Она словно заново узнавала давнего друга, и что-то очень нежное уже зрело в её душе.

Всех больше говорил и смеялся Тимофей, шумно радуясь встрече с друзьями.

Выпили за успех Елены, закусили. Бим приподнял голову, пошевелил ушами, будто присоединяясь к тосту, — чем всех изрядно насмешил.

— Иван Петрович, да у вас не пёс, а просто золото! — воскликнула Изольда.

— Это точно! — подхватил Олег Петрович. — Я уже, честно говоря, обзавидовался...

— Иван Петрович! — вклинилась Леночка. — Я сейчас мало буду бывать дома. Нельзя подыскать такого Бима для деда? А то совсем заскучает!

— Отчего же, надо подумать. Со знакомыми поговорить...

Бим насторожённо смотрел на хозяина, в глазах была явная тревога.

— Не бойсь, Бим, не отдам никому. Вот ведь, забыть не может...

— А что такое, Иван Петрович, расскажите! — попросила Изольда.

— Ну, просьба женщины, да ещё сегодня, — закон, — улыбнулся Иван Петрович. — Дело в том, что года два назад я решил избавиться от Бима.

— Как так? — воскликнули все разом.

— Да вот так... Пенсия-то наша — всего

ничего, сами знаете. А он рос, как на дрожжах, всё лаял и есть просил. Даже ночью. Так ладно, если бы не был так разборчив. Видно, в роду какие-то князи водились, — засмеялся рассказчик. — Словом, подавай ему мясное и калорийное, и не что попало, а высокого качества. Ну, и характер был соответствующий: только не нападал, как на врага, а укусить, хоть и не сильно, — это пожалуйста.

— Иван Петрович, побойтесь Бога, не верится! Вот этот Бим — спокойнейший, преданнейший?...

— Ну, врать я и в молодости не умел, а теперь нет смысла учиться.

— Продолжай, Иван, — на правах хозяина поддержал гостя Олег Петрович.

— Просто бросить — как-то рука не поднималась, ведь красивый, правда?

— Это уж точно! — подхватили слушающие.

— Решил его продать недорого, — чтобы всё-таки псом дорожили. Подыскал подходящего приятеля, что овдовел и явно скучал, но на бедность не жаловался. На цене сошлись сразу: тот заплатил пятьдесят рублей... День-два потомился я без собаки, а на третий — глядь, пёс под дверью скребётся.

— Ты что это, шельмец, задумал? — стал я корить Бима и отвёл беглеца обратно.

Через три дня повторилось то же, а следом и

приятель пожаловал.

— Ты уж... того... не води его ко мне. А деньги я обратно не возьму, ты тут не виноват.

Сердитый на собаку, я увёз её в один районный центр, километров за сто, и продал на рынке за те же пятьдесят.

Через три дня Бим, как ни в чём не бывало, скрёб лапой в дверь. Тут я уже, честно говоря, рассвирепел.

— Издеваешься, да? — говорю ему. — Ты кем меня перед людьми выставляешь? Не понимаешь? Я вот тебя сейчас поучу палкой — сразу поймёшь.

Бим смотрел на меня укоризненно.

— Ах, я ещё и виноват? Виноват, да?

И вдруг мне показалось, что собачьи глаза смеются. Бим продолжал на меня смотреть, как на несмышлёныша.

— Так ты вот о чём! — охнул я и чуть не сел мимо стула. — Так ты мне зарабатывать помогаешь?

Бим облегчённо вздохнул, прикрыл веки и с полным правом устроился у моих ног... Вот так и остался снова у меня. Понял я, что надо искать хоть какую-то работу, чтобы выжить вдвоём.

— Ну и нашли?

— Нашёл, — засмеялся Иван Петрович. — Это уже другой рассказ, другие приключения. Но кормлю Бима нормально...

— И самому кое-что остаётся? — «уточнил» Тимофей, и все дружно рассмеялись.

Когда уже пили чай, хозяин спросил Марию:

— Мне кажется, что-то вы от нас скрываете. Ведь да?

— Да что вы! Ну, мало ли чего... Сегодня у нас праздник, и не будем о другом!

— Да нет уж, Маша...

— Ну, хорошо, только коротко: кто-то хорошо поразбойничал на даче. Видимо, что-то искали. Я иногда выручку с собой забираю...

— Понятно, не найдя ни вас, ни денег, со злости и погром этот учинили... или учинил, — размышлял Олег Петрович.

— Да-а, — протянул Иван Петрович. — Это вам не шуточки, а главное, визит наверняка повторится! И на милицию надеяться смысла нет, это для них — так, мелкое хулиганство... Маша, у меня такое предложение. Ты завтра увезёшь нас туда с Бимом, и мы подежури́м. Ружьё охотничье на всякий случай имеется. Кстати, что-то и поправлю в доме...

— Тут надо действовать наверняка, на приманку взять. Ружьё, надеюсь, не пригодится, но и упустить такого «гостя» нельзя. Давайте завтра обговорим всё как следует, хорошо? — заключил Олег Петрович.

С тем и разошлись.

ОТВЕРЖЕННЫЕ

В понедельник утром, после вчерашней доброй встречи с друзьями Тимофеем, как всегда, пошёл по своему участку, со своими дворницкими заботами. На «смешные» пенсии, кои получают большинство «уважаемых граждан», — прожить, ясное дело, нет никакой силы, и, безуспешно попытав счастья то там, то тут, Тимофей решил не мудрить и устроился дворником там, где жил. Конечно, работёнка ещё та, но зато и домой мог заглянуть, когда хотел, да и управлялся с работой норовисто, а потому полдня на всё про всё вполне хватало. Конечно, и тут, если по большому счёту, — копейки платили, но это лучше, чем ничего.

Больше всего ему докучало не то, что мусор, по нашей «большой» культуре, валялся где попало, и даже не то, что коммунальщики без конца и края перекапывали территорию, подвластную Тимофею, а то, что всё время натыкался на голодных бродячих собак и бомжей, которые вели между собой жестокую войну за отходы в «мусорках». Особенно накалялись страсти после выходных, когда вечером погулявшие небедные жильцы выносили пакеты с объедками со своих сытых столов. Тимофею приходилось порой чуть ли не

разнимать эти две силы, и хотя те и другие подчинялись ему как хозяину территории, но раза два он уже и по уху получал, и собачьи зубы узнал тоже неплохо, будь они неладны.

Он уже подходил к огороженным контейнерам, как услышал свирепый собачий рёв и понял, что опять шутки плохи.

«Да чёрт с ними, снова схватились», — подумал Тимофей и хотел было повернуть от опасного места, как услышал бабий визг, смешанный с ужасом. Он рванулся на шум и увидел лежащего на земле Ваньку — «барабанщика». Вокруг стояли несколько собак, среди них Рыжая — своего рода атаманша. Это она сбила с ног худого Ваньку, протянувшего руки к полному баку. Все молчали, и только Верка-«артистка» причитала сквозь слезы:

— Убили, сволочи алчные, убили!..

Тимофей приподнял голову Ваньки, глаза бомжа приоткрылись...

— Где твой хахаль, Верка? Зови скорей! Спасать надо!

Будто из-под земли вырос Генка — «матрос», втроём они подхватили пострадавшего и потащили к Тимофею, благо жил он рядом и на первом этаже.

— Клава, звони в скорую! — кричал Тимофей, освобождая грудь «барабанщика».

— Как у вас... тепло и... чисто... — бормотал